

**О СЛОВОХОТОВЕ Л. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П,
СЛОВОХОТОВ Л. А. — ГОРЬКОМУ А. М.
ПОМПОЛИТ — СЛОВОХОТОВОЙ Л. К.
О СЛОВОХОТОВЕ Л. А. — в ОСО НКВД**

СЛОВОХОТОВ Леонид Александрович, родился в 1870-х. Получил высшее юридическое образование, работал присяжным поверенным; с 1905 — занимался литературной деятельностью. С 1916 — проживал в Саратове, занимался лекторской деятельностью, с 1918 — работал ассистентом коллегии защитников в Саратовском университете; активно занимался лекторской деятельностью, с 1919 — его статьи публиковались в газетах и журналах, в 1927 — была издана книга "О классиках русской литературы". Женат на Лидии Капитоновне Словохотовой. 5 декабря 1930 — арестован, 12 июля 1931 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг (Новосибирск). Работал редактором лагерной газеты, читал лекции¹.

В сентябре 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Лидия Капитоновна Словохотова.

<7 сентября 1931>

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА.

Вторично обращаюсь к Вам с просьбой. Напомню о себе: В конце мая я приезжала в Москву для хлопот о своем муже, арестованном Саратовским ОГПУ — 5-го декабря 30 г<ода>. 28-го мая я была у Вас (прием был в Ваше отсутствие), зарегистрировала своего мужа Л. А. СЛОВОХОТОВА и подала заявление вместе с материалом — копиями отзывов о деятельности мужа на имя ГПУ. Заявление и материал прикреплены были Вашей заместительницей булавкой к регистрационной карточке и обещано передать по назначению.

4-го июля я получила открытку за Вашей подписью, где Вы сообщили мне любезно, что материал и заявление подано по назначению и по получению ответа мне пришлете извещение. 13-го июля мужу был объявлен приговор — 3 года концлагерей, видимо, у Вас не было сведений об этом, т<ак> к<ак> г<раждан>ка Черкасова получила от Вас извещение за 2 недели до объявления здесь приговора (муж ее был арестован по одному и тому же делу, и приговор был объявлен одновременно).

Снова обращаюсь к Вам, Вашему доброму сердцу. Приговор о муже я считаю сплошным недоразумением, досадной ошибкой, сведением личных счетов с ним, т<ак> к<ак> муж мой и по убеждению, и по деятельности своей искренне советский человек, об этом говорят все приложенные документы к заявлению.

Не откажите, дорогая Екатерина Павловна, передать заявление и материал к нему Главному Прокурору Главного Политического Управления т<оварищу> Катаняну или кто его замещает: муж просит пересмотреть дело в порядке надзора для опротестования.

Надеюсь, что с изменением политики по отношению к специалистам, советски настроенным, дело мужа будет пересмотрено, и решение будет благоприятным.

Простите за просьбу, не откажите уведомить меня по адресу: Саратов, Армянская ул<ица>, д<ом> № 20, кв. 1. Лидии Капитоновне Словохотовой.

Еще одна просьба от имени моего мужа: он лично знаком с Алексеем Максимовичем и просил переслать ему письмо, но адреса ни здесь, ни в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 598. С. 96-102.

Москве я узнать не могла, говорят, что его скрывают, т<ак> к<ак> иначе было бы паломничество с утра до вечера к писателю. Не возьмете ли Вы на себя труд, каким-либо путем передать ему настоящее письмо.

Заранее благодарна, искренно уважающая Вас Л. Словохотова.

Одновременно с ним на имя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в Комиссию Частных Амнистий посылаю аналогичное заявление от имени мужа, только с другим концом: "ОБ АМНИСТИРОВАНИИ", прошу Вашего ходатайства, дорогая, Екатерина Павловна. С искренним приветом и пожеланием Вам здоровья.

Л. Словохотова»².

*К письму Лидии Капитоновне Словохотовой было приложено письмо Леонида Александровича Словохотова к Алексею Максимовичу Горькому*³.

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ.

У писателя, пока он непрестанно цветущий талант, всегда художественно-чуткое сердце. Ему я и пишу.

Я автор книги: "О классиках русской литературы". Встретился с Вами летом 1929 года в Мурманске.

У меня 22 года службы и 90 работ в печати.

Колыбель литературно-общественной моей мысли, удостоенная премии, написанная мною в студенческие годы, книга "Народный Суд обычного права киргиз Малой орды" (XV том Ученых трудов Оренбург<ской> Ученой Ком<иссии>. — 1905 г<од>. 156 стр<аниц>).

В литературные двери Октября я вошел работой — "Правовые взгляды Максима Горького" (Журнал Н<ар>К<омата> П<ро>с<вещения> "Красный путь". 1919 г<од>. № 28).

В последние два года я, рекомендуемый Крайкомами, Крайсовпрофами и Политотделами Дивизий, работник-партизан на массах словом и пером самой величественной темы нашего времени — пятилетки. Я вынес культ<урную> работу о пятилетке из города на поля. 175 афишных лекций и десятки очерков по краевым газетам "Правда" и журналам даны мной о великой энергии и огромных достижениях масс в СССР от Ледовитого океана до Великого.

Я постоянно носил в своей душе любовь к общественному делу и светлому грядущему, но без сконцентрированной мысли какой-либо партийности. Я разночинец. И нужда всю жизнь стояла за моей спиной.

С Советской эпохой, выросшей из гнева и накопленной веками боли, я согласовал голову и сердце не сразу.

1918 год — я расколотый душевно человек, автор книжки "Прав ли Раскольников Достоевского". Смотрю на многое глазами маленьких, обиженных мозгов.

В 1921 году случайно, в двух-трех встречах знакомлюсь с представителем Нансеновской организации помощи голодающим, социально ничтожным мистером Куком, может быть, ошибочно смешиваемым кое-кем с другим Куком, имя которого иногда пестрит в печати.

Нет пепла забвения ничему в революцию. За истлевшее в могилах 1918 и 1921 годов прошлое на мою судьбу опустился тяжелый молот приговора П<олномочного> П<редставителя> ГПУ Нижне-Волжского края — три года концлагеря. Под линию 58-10 и 58-11 УК попал очеркист

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 20. Машинопись, подпись — автограф.

³ Исправлены некоторые ошибки по современной орфографии.

"Правды" и пятилетки. Из архивов автобиографии размотаны шпульки, о былом существовании коих забыто.

Литератор более чем кто-либо привык страдать. Если он не самосветящееся светило, то рецензии легко возводят и низводят его. И в дни головокружительных событий наше сердце не тревожит горе личное. Мы живем в эпоху перековки душ и зацвета другой психологии. Я это знаю. Но знаю и то, что нужда в своих людях у нас немалая. Вот почему мне хотелось бы найти в Вас правозаступничество другое, общественное. Литература — мать моей души, а Вы...

Я, по моим работам: юрист, экономист, востоковед, историк, краевед, критик, очеркист, лектор, публицист, редактор, <нрзб.>. Я человек с аншлагом приговора, а по отредактированным мною книжкам "Интуриста" — иностранцы туризма 1931 г<ода> знакомятся с СССР. Я должен искать паспорта благонадежности, а только что перередактированная мной с внесением сотни страниц моего текста книга в четвертом издании подает руку восстающему колониальному рабу и получает одобрение, подобно "Цементу".

Щедра природа наделила меня даром слова. Я подлинно зажигал аудитории рассказами о великих делах нашего века и в горных тундрах Лапландии, и в дебрях Уссурийского края. И я подлинно и искренно советский человек и спец.

По затратам нервов и сил я всегда жил с коллективом. Помогите мне, Алексей Максимович, перешагнуть через мое горе к прежней работе с массами и пятилеткой. Я подаю в Комиссию Частных Амнистий Президиума ЦИК СССР, а Вы член ЦИК'а.

Л. Словохотов.

30/VII-31 г<ода>.

Адрес: г<ород> Саратов, Армянская ул<ица>, д<ом> № 20, кв. 1.

Л. А. СЛОВОХОТОВ»⁴.

В конце января 1932 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Лидия Капитоновна Словохотова.

«30/I-32 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Обращаюсь к Вам с мольбой. Помогите.

Я была у Вас 25 декабря 31 года (приезжала из Саратова) по делу мужа, осужденного за знакомство с англичанином Куком в 1921 году (десять лет тому назад), когда англичане приезжали в Саратов кормить голодающих. Арестован муж был 5 декабря 30 года, приговор — 3 года концлагеря был вынесен 12 июля 31 года. Обвинение общее было таково — связь с иностранцами и организация: ясно, что должно было участвовать несколько человек. В октябре и декабре месяц<ах> — по хлопотам освобождены двое — художник Егоров и врач Черкасов, остался один мой муж по Саратову (видимо, жены освобожденных хлопотали с большим успехом, чем я). Если освобождены люди, более близко и длительно знакомые с англичан<ами>, то моему мужу подавно должно освободиться, потому что все его знакомство состояло в том, что десять лет тому назад Кук в начале своего приезда в Саратов — месяца два ухаживал за нашей дочерью (англичане пробыли в Саратове больше года), и муж лично никогда не встречался с Куком, нигде не бывал с ним, не переписывался и вообще никаких отношений с ним не имел. Если бы моему мужу пришлось отбывать наказание за каждого поклонника дочери, то бы ему и жизни не

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 22. Машинопись, подпись и дата — автограф.

хватило. Вы, дорогая Екатерина Павловна, приняли от меня заявление. Горячо прошу похлопотать и поторопить дело рассмотрением, т<ак> к<ак> в двадцатых числах снаряжается этап, с которым мой муж должен уехать. Не дайте погибнуть невинному человеку. Вы знаете, какой ужас — этап.

До места назначения придется ехать месяца 3-4, сидеть в пересыльных тюрьмах, где по большой скученности кишат насекомые и свирепствует сыпной тиф. Помогите.

К заявлению моему, поданному Вам, я приложила копии отзывов и удостоверений о деятельности моего мужа — человека искренно советского и полезного.

Искренно уважающая Вас и заранее благодарная Вам.

Адрес: Саратов, Армянская ул<ица>, д<ом> № 20, кв. 1.
Лидии Капитоновне Словохотовой»⁵.

«ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
НИЖНЕ-ВОЛЖСКИЙ КРАЕВОЙ КОМИТЕТ

г<ород> Саратов, Советская ул<ица>, зд<ание> Крайисполк<ома>

ОТЗЫВ:

Настоящий дан т<оварищу> СЛОВОХОТОВУ в том, что он в период с 17/1 по 25/1-30 г<ода> прочел в г<ороде> САРАТОВЕ ряд лекций на тему "Пятилетка в художественных путевых очерках" под заголовком: "С КАРАНДАШОМ ПО СССР ОТ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ДО ВЕЛИКОГО".

Тов<арищ> СЛОВОХОТОВ в процессе своей работы был связан с Крайкомом ВЛКСМ, охотно шел на встречу его пожеланиям и пользовался большим успехом в рабочих аудиториях.

Зам<еститель> Зав<едующего> АППО
КРАЙКОМА ВЛКСМ

С. АЛЕКСАНДРОВ»⁶.

«СССР
СОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА
И ЭКСКУРСИИ
СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОЙ КРАЕВОЙ
СОВЕТ
ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ
4-го июля 30 г<ода>
№ 21. Саратов

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано Леониду Александровичу СЛОВОХОТОВУ в том, что он действительно является ЛЕКТОРОМ Н<ижне>-В<олжского> Краевого Совета Всесоюзного Добровольного Общества Пролетарского Туризма и Экскурсий.

Лекции и доклады т<оварища> СЛОВОХОТОВА по вопросам пролетарского туризма пользуются большим успехом у рабочей аудитории.

Настоящее удостоверение действительно по 1-января 1931 года.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 27. Машинопись.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 25. Машинопись.

Зам<еститель> председателя
Крайсовета ОПТЭ
Делопроизводитель

СМИРНОВА
КЛОКОВ»⁷.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
СТРЕЛКОВОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ
ДИВИЗИИ
23/Х-30 г<ода>
№ 115, 23010

ОТЗЫВ

Прочитанные в Гарнизонном клубе лектором-литератором т<оварищем> СЛОВОХОТОВЫМ лекции: 1-я — "25000 километров с карандашом по стране Пятилетки" и 2-я — "По колхозам и коммунам Волги и Донщины" приковали внимание аудитории и имели огромный успех.

Полив считает, что лекции имеют громадное значение и ценность для популяризации идей Пятилетки в 4 года и достижений по строительству в городе и деревне в художественно-литературной форме.

Лекции с успехом могут быть прослушаны любой аудиторией и особенно кр<асноармей>цами и нач<альственным> составом частей.

За Воен<ного> ком<андира> див<изии>
и Нач<альника> Полит<ического> Отдела
31 стрел<ковой> Стал<инградской> Дивизии НЕМЦОВ, КОЧЕГАРОВ»⁸.

«ВЦСПС
НИЖНЕ-ВОЛЖСКИЙ КРАЕВОЙ СОВЕТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
9/IX – 30 г<ода> № 633

ВСЕМ КЛУБАМ

Культ<урный> сектор ВЦСПС рекомендует лекции т<оварища> СЛОВОХОТОВА "С карандашом по СССР" и "По совхозам и колхозам Волги и Донщины", ярко рисующие мощное соц<иалистическое> строительство Советского Союза.

Завед<ующий>
Культ<урным> сектором ЛЕОНОВ»⁹.

В мае 1932 — Лидия Капитоновна Словохотова вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«22 мая 1932 г<ода>.

«Дорогая, глубокоуважаемая
Екатерина Павловна.

Простите, что я Вас все беспокою со своим делом. Я послала Вам письмо в конце апреля или начале мая с просьбой справиться о положении дела моего мужа Л. А. СЛОВОХОТОВА, осужден на 3 года концлагеря за знакомство с англичанином Куком в 1921 г<оду>, когда англичане приезжали в Саратов кормить голодающих. Я была у Вас в Красном Кресте в декабре, хлопотала у Вас о пересмотре его дела. Случайно я встретила у Вас проф<ессора> Яковлева, кот<орый> также

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 23. Машинопись.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 24. Машинопись.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 26. Машинопись.

был осужден по этому делу. На днях я встретила проф<ессора> Яковлева в Саратове. Он совершенно свободен. По одному и тому же делу с мужем уже освобождены еще и по Саратову двое: художник ЕГОРОВ и врач ЧЕРКАСОВ, остался при приговоре только один мой муж. Покорная, горячая просьба к Вам справиться в ГПУ, назначено ли к пересмотру его дело и, если да, то какие результаты. Я случайно узнала, что в характеристике мужа в его деле есть отношение об увольнении его из юрисконсультов Рязано-Уральск<ой> ж<елезной> д<ороги>, а полного восстановления ЦЕНТРАЛЬНЫМ РКИ — не имеется. Прошу Вас переслать в ГПУ прилагаемую копию о полном его восстановлении. Считаю, что этот документ очень важен при рассмотрении его дела.

Искренно уважающая Вас Л. Словохотова.

Пожалуйста, не откажите в ответе мне на мое письмо.

Адрес: Саратов, Армянская ул<ица>, д<ом> 20, кв. 1-я.

Л. К. Словохотовой»¹⁰.

В июле 1932 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил Лидии Капитоновне Словохотовой.

<19 июля 1932>

«Л. К. СЛОВОХОТОВОЙ.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, приговор В<ашему> мужу, Леон<иду> Ал<ександровичу> СЛОВОХОТОВУ, не изменен.

Для возобновления ходатайства о пересмотре его дела, Вы можете вновь прислать заявление, адресованное в ОГПУ.

Присланную справку возвращаем Вам, приложите ее к заявлению»¹¹.

Осенью 1932 — Леонид Александрович Словохотов был освобожден из лагеря, вернулся в Саратов. Работал лектором Культпрома в Крайсовпрофе. 25 марта 1935 — арестован и заключен в Саратовскую тюрьму. В августе 1935 — Лидия Капитоновна Словохотова обратилась с заявлением в Особое Совецание НКВД.

<28 августа 1935>

«В Особое Совецание при НКВД

Словохотовой Л. Н.

Саратов, Армянская, 20

По словам Прокурора Саратовского Кра<евого> суда по спец<иальным> делам, дело моего мужа Словохотова Леонида Александровича направлено в Москву в Особое Совецание при НКВД в августе с<его> г<ода>.

Обращаюсь к вам, в У<правление> НКВД, с нижеследующей просьбой. Мой муж лектор культурного Саратовского Крайсовпрофа, читал лекции в ряде учебных заведений, клубах заводов, совхозах, колхозах, кино.

С 1919 года печатался в центральных и местных органах печати — "Правде", "Известиях ЦИК", "Комсомольской Правде", "За Ком<мунистическое> просвещение", в журналах — издании Федерации, "Наша Жизнь", "Социалистический Транспорт", "Наука и Жизнь" и много других.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 112. Машинопись, подпись — автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 778. С. 114. Машинопись.

При сем представляется копия вступительного слова к картине "Киров", с которой муж 6 раз выступал в г<ороде> Энгельсе в кино, и выступление принималось дружными аплодисментами всей аудиторией, состоявшей главным образом из партийцев, а в 7-й раз это выступление оказалось криминалом по 58 ст<атье> п<ункт> 10. По словам директора кино, выступление мужа не понравилось нескольким сотрудникам местной газеты, у которой с директором были личные счеты. 25 марта муж был арестован в Саратове.

Ему было предъявлено обвинение в том, что он не сделал упора на роли троцкистско-зиновьевской оппозиции. В свою защиту муж говорил, что его выступление не было докладом, который он, беспартийный, не взялся бы делать, а что он сказал лишь вступительное слово к картине по ее содержанию о живом тов<арище> Кирове — пламенном ораторе и партийном организаторе, и о похоронах тов<арища> Кирова, и если ему предъявлять обвинение об умолчании о врагах — убийцах тов<арища> Кирова, то обвинение в этом надо предъявить и тематическому совещанию по картине "Киров" и режиссеру последней.

Литературной деятельностью муж занимался 30 лет. Десять лет назад мужем написана и в начале 1927 года выпущена книга "О классиках русской литературы" — это произведение было также предметом обсуждения при допросах мужа в НКВД. Многие положения в книге, конечно, устарели, но в целом книга имела своей целью содействовать изучению классиков и использованию их в деле создания нового человека.

Где бы ни служил муж, его работа всегда переплеталась с лекторской деятельностью: в 1918 г<оде> в Саратовском университете он состоял ассистентом в коллегии защитников, он руководитель лекционной секции Юрид<ического> Об<ществ>а в Управлении Ряз<анско>-Ур<альской> ж<елезной> д<ороги>, будучи юрисконсультom (десять лет), он читал лекции на железнодорожных курсах.

В Саратове мы живем около 20 лет, с 1916 года и никогда ни при каких обстоятельствах лекторская деятельность мужу не запрещалась, а наоборот, приветствовалась, как полезная. Муж работал, как человек, преданный Советской власти, отдавал все свои дарования и опыт лекторству об успехах и значении социалистического строительства СССР, как величайшего фактора международного революционного движения. По отзывам организаций и учреждений — КСПС, Кра<евого> о<тдела> н<ародного> о<бразования> и др<угих> (отзывы отобраны при обыске в количестве 34), являлся полезным, искренним, культурным работником, обладающим серьезными разносторонними географическими, краеведческими и общественно-литературными знаниями. Ведь если бы муж был против советской власти, он бы мог работать только по своей специальности (по образованию юрист).

Наша семья состоит из двух человек, и мы оба работаем. У мужа совершенно не было личной жизни, знакомства он ни с кем не ведет, проверено НКВД при допросах соседей по Жакту, в котором мы живем 7 лет, он всецело был занят литературной работой. У мужа при обыске были взяты сто двадцать конспектов его выступлений, все печатные труды, заключающиеся в книгах, газетах, журналах, отзывы о лекциях, удостоверения. Однако, по словам мужа, в материалы следствия вносились только отрицательное и ничего положительного, и человеку, агитировавшему за советскую власть, предъявлено обвинение по 58 ст<атье> п<ункт> 10 — за агитацию против советской власти.

Партийного глаза, контроля за его выступлениями было сколько угодно, ведь он выступал открыто, о лекциях его сообщалось в газетах, печатались афиши, читал часто по радио. Работал он и как редактор, как видно из отобранного материала — рукописи "Мудрешкин Сын" Амур-

Санан. По брошюрам мужа (по заказу "Интуриста"): "Волга", "Крым", "Кавказ" — интуристы знакомились с величайшими достижениями СССР.

В конце 1930 года муж был захвачен общей волной арестов за одно случайное знакомство в 1921 году, но ведь репрессия перековывает человека, тем более что муж пользовался большим доверием и хорошим отношением руководителей лагеря. Он работал в К<ультурно>-В<оспитательном> О<тделе>. В Новосибирске он был фактическим редактором большой лагерной газеты и жил при редакции, и когда был досрочно освобожден, то его просили не уезжать до приискания заместителя, и он прожил там еще две недели. Фактически в концлагере пробыл всего 11 месяцев.

Теперь он, видимо, был арестован главным образом потому, что был репрессирован в прошлом, и потому следственная власть так односторонне отнеслась к производству следствия, отвергая все положительное в деятельности мужа, и документы об этом, и показания свидетелей.

Когда затем дело было передано в прокуратуру, и я говорила с Прокурором по спец<иальным> делам тов<арищем> Рейнгардом, то меня поразила данная Прокурором характеристика мужа, как афериста. После разговора моего с Прокурором на другой день я была вызвана повесткой в прокуратуру со всеми имеющимися у меня документами, но, к сожалению, у меня их осталось очень мало, т<ак> к<ак> все были отобраны при обыске, и я представила 2 копии описи, изъятых сотрудниками НКВД отзывов, удостоверений и всего материала, и из разговора с пом<ощником> прокурора тов<арищем> Соркиной, кот<орой> было поручено дело мужа, я поняла, что при деле вообще никаких отзывов о деятельности мужа не имеется, и прокурор обещал запросить материалы из НКВД, но потом я узнала, что пом<ощник> прокурора т<оварищ> Соркина внезапно заболела и взяла отпуск, а Прокурор мне сказал, что дело будет отправлено в Москву в Особое Совецание при НКВД.

Создавшееся положение с материалами, которые характеризуют деятельность мужа, внушает мне опасение, что работа его при отсутствии в деле означенных материалов может быть понята односторонне, в ущерб объективной правде, и повлечь за собой тяжелые последствия для мужа, я позволяю себе обратиться к Вам с настоятельной просьбой о приобщении к делу отобранных у мужа документов, находящихся в НКВД в Саратове, ибо повторяю, вся деятельность мужа, его личность могут быть надлежащим образом освещены только в связи с документальными материалами, о которых я сказала выше.

Я прошу Вас, У<правление> НКВД, уделить внимание моему ходатайству и надеюсь, что при рассмотрении дела моего мужа будет учтена личность мужа, как человека, все силы отдавшего культурной работе и в своей деятельности руководствовавшего только директивами партии и указаниями вождя тов<арища> СТАЛИНА.

Приложение: копия конспекта вступительного слова к картине "КИРОВ".

Л. Словохотова»¹².

¹² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1395. С. 16-20. Машинопись, подпись — автограф.